

Д.Д. Трегубова

Московский государственный университет, г. Москва

К вопросу о формировании бурятского языка

Статья посвящена этапам развития бурятского языка и проблеме языковой ассимиляции бурят.

D.D. Tregubova

About the development of the Buryat language

The article is devoted to the steps of the development of the Buryat language and to the problem of the linguistic assimilation of the Buryats.

На фоне непрекращающейся дискуссии о проблемах и перспективах бурятской нации обращение к вопросу развития бурятского языка не теряет своей актуальности, поскольку языковые проблемы неразрывно связаны с проблемами сохранения этноса, с его культурой [7. С. 144, 153].

Бурятский язык относится к северной подгруппе монгольской группы алтайской языковой семьи и является многодиалектным. Существует всего четыре основных диалекта бурятского языка – хоринский, цонгосартульский, эхирит-булагатский и так называемый хонгодорский [2].

История формирования бурятского языка насчитывает около тысячи лет. Несмотря на то, что процесс образования самостоятельных монгольских языков начался сравнительно поздно, в основном после распада монгольской империи (XIII – XIV вв.), а до этого монгольские наречия представляли племенные ответвления единого языка, о бурятском языке можно говорить особо. Специалисты считают, что формирование бурятского языка как самостоятельного началось в X – XI вв., когда в пределы Байкальского региона пришли монголоязычные кочевники. При контакте пришлого населения с тюркскими и тунгусскими племенами, обитавшими в то время в Прибайкалье, и начал складываться самостоятельный бурятский язык [3. С. 227].

В своем развитии от X – XI вв. до наших дней бурятский язык прошел несколько этапов. На начальном этапе развития бурятского языка буряты находились в сфере применения древней уйгурской письменности и пользовались ею для записи родословных преданий, буддийских религиозных текстов и т.д.;

происходил процесс образования основ современного бурятского языка в результате коренного изменения звуковой системы и произносительных норм бурятских племен в связи с переходом общемонгольских согласных звуков ц, ч, с, дж, дз в бурятские с, ш, х, ж, з. [6. С. 51]

Следующий этап развития бурятского языка начинается со времени присоединения Бурятии к России (XVII в.): именно с этого времени бурятский язык активно контактирует с русским. Особенно тесными эти контакты стали после подписания Нерчинского (1689) [1. С. 49-50] и Буринского (1727) [5. С. 51] трактатов, закрепивших вхождение Бурятии в состав России [8. С. 12]. Согласно Буринскому трактату все племена, кочевавшие в пограничных районах, признавались подданными того государства, на территории которого они находились в момент подписания договора. Перебежчики на другую сторону границы возвращались обратно. Переход границы разрешался только по решению пограничных властей, Петербургского сената или Пекинского трибунала. Для охраны границы с русской стороны было сооружено несколько крепостей [1. С. 51]. Б.Ш. Доржиев отмечает, что установление русско-маньчжурской границы привело к выделению бурятских племен и родов из общемонгольской среды, «способствовало их территориальной и политической консолидации в самостоятельную народность в рамках Российского государства» [5. С. 44]. Под другим углом зрения смотрит на установление границы между Россией и Монголией Ш.Б. Чимитдоржиев. «С появлением пограничных караулов, – пишет он, – начался разрыв традиционных многовековых связей между мон-

гольскими племенами, оказавшимися в пределах нескольких государственных объединений. Это пагубно сказалось на исторических судьбах монгольских народов, <и> в первую очередь бурят» [11. С. 60]. Конечно, и после подписания Буринского трактата переходы границы имели место; однако контакты бурят с остальным монгольским миром были существенным образом ограничены, что, естественно, не могло не сказаться на развитии языка.

С вхождением Бурятии в состав России потребности ведения государственного делопроизводства, письменного оформления обычного права, составления исторических хроник и другие нужды привели к возрождению старой монгольской письменности на основе разговорного бурятского языка, в результате чего были созданы старобурятская письменность и литературно-письменный язык. До нас дошли некоторые памятники письменности той эпохи. К примеру, Д.Д. Доржиев упоминает правовые документы "Анза" 1693 г. об уплате штрафа за убийство человека, законоположение хори-бурят "Хэб" о сватовстве, об охоте и употреблении алкогольных напитков; документы деловой переписки "Закийа" и распоряжение тайши Дамба-Дугара Иринцева 1793 г. [6. С. 52].

Следующий этап в развитии бурятского языка и письменности связан со значительными изменениями в управлении бурятскими родами, произошедшими после 1822 г., когда на территории Сибири, и в том числе в Бурятии, начал действовать «Устав об управлении сибирских инородцев», автором которого стал М.М. Сперанский. Согласно "Уставу" нижестоящее начальство обязывалось в письменной форме докладывать вышестоящему обо всех событиях на местах, что привело к многократному увеличению деловой переписки и развитию старого письменного языка бурят. Одновременно издавалось большое количество религиозно-буддийской литературы, началось составление исторических хроник, а в начале XX в. появились первые бурятские поэты [6. С. 52-53].

Из вышеизложенного ясно, что у нас нет повода говорить о "бесписьменности" и "мрачном прошлом" бурят до революции 1917 г. Тем не менее следующий этап в развитии бурятского языка начинается как раз после революции в России, когда языковая ситуация в Бурятии существенно меняется. Именно с этого времени в языковые процессы активно вмешивается государство, языко-

вая политика которого теперь играет большую роль в интересующем нас процессе. Русский язык в СССР закономерно выдвигается на роль языка межнационального общения, в связи с чем широкое распространение получает бурятско-русское двуязычие, развитие которого в 20 – 30-е гг. протекало достаточно гармонично. И.Д. Бураев и Л.Д. Шагдаров пишут, что в те годы "языковое строительство в республике шло в правильном направлении: заметно расширялась сфера применения бурятского языка..., обучение в школе полностью осуществлялось на родном языке. Учились не только дети, но и взрослые: действовал так называемый ликбез, развивалась сеть школ крестьянской молодежи (ШКМ). Интенсивно развивалась издательская деятельность на бурятском языке, заметно возрос культурный уровень..." [3. С. 232].

Гармония была нарушена языковыми экспериментами 30-х годов, когда, по нашему мнению, наступил следующий, неблагоприятный для развития бурятского языка этап. Дело в том, что в 30-х гг. развернулась кампания по разоблачению участников так называемого панмонгольского антисоветского движения, в результате которой была почти полностью обезглавлена бурят-монгольская научная и творческая интеллигенция. В ходе этой кампании была решена судьба старомонгольского (старобурятского) письменного языка [11. С. 31]. В 1931 г. перед институтом культуры (бывшим Буручкомом) была поставлена задача выработки нового литературного языка на основе одного из бурятских наречий, и в том же году бурятский язык был переведен на латинский алфавит, а за основу литературного языка был взят цонголо-сартульский диалект. Однако эта реформа была признана неудачной, и в 1936 г. был осуществлен перевод бурятского литературного языка на хоринский диалект, а в 1939 г. – на кириллицу [7. С. 20]. Следует отметить, что последней языковой реформе как нельзя лучше способствовала политика союзного правительства, навязывавшего русский язык в национальных районах страны [8. С. 43].

В результате языковых реформ 30-х гг. перестал существовать старомонгольский (старобурятский) письменный язык, причисленный к атрибутам панмонголизма; буряты были отчуждены от своего многовекового культурного наследия, веками создававшегося на старомонгольской письменности. Огромное количество фольклорно-

художественных, летописно-хроникальных исторических произведений оказалось для них недоступным. Вообще в дальнейшие годы советской власти всё, что было создано на старомонгольской письменности, лежало под спудом, находилось в забвении. Те же, кто пытался обнародовать это наследие, зачастую объявлялись панмонголистами или буржуазными националистами [3. С. 256]. В итоге в эпоху пересмотра прежних исторических и политических концепций современные научные работники, общественные и государственные деятели республики оказались беспомощными перед проблемой обработки документов и других источников, созданных на старомонгольской письменности [3. С. 233].

Как отмечает Г.А. Дырхеева, судьба бурятского языка в 30-е гг. решалась "насиленно-административным путём. Языковое строительство свелось к выбору опорного диалекта в качестве основы для бурятского литературного языка. Выбор оказался недостаточно эффективным. Оправдалось опасение академика Б.Я. Владимирцова, который писал, что литературный язык, базирующийся на одном из диалектов, со стороны представителей других диалектов вызовет неприятие. В конечном итоге такой форсированный подход к созданию литературного языка привел к нулевому результату – единого бурятского литературного языка пока нет" [7. С. 21]. Однако существует и противоположная точка зрения: "Современный бурятский язык и орфография, созданные на основе русской графики, являются национальной системой письменности, максимально учитывающей специфические особенности бурятского языка. Многолетняя практика применения нового алфавита показала его большое преимущество перед ранее употреблявшимися в бурятском языке алфавитами. Новая система письменности послужила важным рычагом в дальнейшем усовершенствовании и окончательном формировании и становлении бурятского литературного языка", – пишет У.Ж.Ш. Дондуков [4. С. 147].

К сожалению, языковые преобразования "сверху" не закончились на реформах 1930-х гг. «В 1973 г. было прекращено обучение на бурятском языке. В 1976 г. вышел указ об улучшении изучения русского языка как языка межнационального общения, и тогда Бурятский обком партии приостановил преподавание бурятского языка в городских школах и даже в районах». «В административном порядке все бурятские школы были переве-

дены на русский язык обучения. Это распространялось даже на начальное обучение в школах тех населенных пунктов республики, где проживали одни буряты, дети которых, естественно, не знали никакого другого языка, кроме родного. С этим вопиющим недоразумением связаны и другие негативные эксцессы – сокращение издания литературы на бурятском языке, передач по радио и телевидению и т.д.», – рассказывают В.И. Рассадин и И.Д. Бураев [9].

Эти крайности начали исправлять в нашей республике только недавно, начиная с периода перестройки (когда пришло новое видение национально-языковых проблем), который может, по нашему мнению, служить точкой отсчета для нового этапа развития языка. В 1986 г. обучение во всех начальных классах школ с бурятским контингентом учащихся было переведено на родной язык. Были приняты меры по некоторому увеличению выпуска литературы, а также по увеличению количества радио- и телепередач на бурятском языке. В 1991-1992 учебном году в Бурятском государственном университете открылся специальный факультет бурятской филологии. 10 июня 1992 г. в соответствии с законом Российской Федерации "О языке народов РФ" на республиканском уровне был принят закон "О языках народов Республики Бурятия", где говорится о двух государственных языках – русском и бурятском. Некоторые постановления, направленные на укрепление позиций бурятского языка, принимались и в дальнейшем. [3. С. 234; 9].

Разобраться в том, к каким последствиям привели перечисленные выше преобразования, помогут данные социологического опроса, проведенного автором статьи в марте 2006 г. среди жителей г. Улан-Удэ от семнадцати лет и старше (т.е. самой молодой категорией опрошенных стали студенты младших курсов вузов и их ровесники). Методом анкетирования было опрошено 1000 человек бурятской национальности, которым были заданы вопросы, касающиеся родо-племенной принадлежности, знания родословной, владения бурятским языком.

На вопрос о владении языком 49,2% опрошенных ответило положительно, 7,7% – «понимаю», 0,8% – «немного», 10% – «плохо», 32,3% – «нет». Здесь для нас особенно важна возрастная динамика. И если мы не можем оценить результаты языковых реформ 1930-х гг. (в 1931 г. школьного возраста достигли те, чей возраст на момент проведения

опроса составил 82 года, то есть лишь один из 1000 опрошенных соответствует данному условию), то о результатах реформ 1970-х гг. на основе данных опроса уже можно сказать несколько слов.

Как сказано выше, в 1973 г. преподавание бурятского языка в школах было свернуто. В этом году школьного возраста достигли те, чей возраст на момент проведения опроса составил 40 лет. Следовательно, реформами 1970-х гг. в наименьшей степени была затронута группа населения от 41 года включительно. В этой категории опрошенных положительно на вопрос о владении языком ответило 72,8% (в том числе 100% в немногочисленной группе опрошенных старше 70 лет), отрицательно – 22%; переходную степень владения языком продемонстрировало 5,2%.

Позитивные изменения в языковой сфере начинаются с 1986 г., когда бурятский язык «возвращается» в начальную сельскую школу. В это время школьного возраста достигают те, чей возраст на момент проведения опроса составил 27 лет. Следовательно, в наибольшей степени влиянию реформ 1970-х гг. должна была подвергнуться возрастная категория от 28 до 40 лет. В этой категории опрошенных положительно на вопрос о владении бурятским языком отвечает уже 52%, отрицательно – 31,5% и 16,3% показывает переходную степень владения.

На первый взгляд, логично было бы наблюдать положительную динамику среди категории опрошенных от 17 до 27 лет. Однако в этой категории процент ответивших «да» снижается до 43,7, а процент ответивших «нет» повышается до 34,2. (22,1% демонстрирует переходную степень владения языком). Снижение скорости процесса забывания языка является слабым утешением. Здесь, как нам кажется, следует учитывать «родительский фактор», а также то, что к этому времени среди бурят и в особенности городских уже сложилась определенная традиция говорить по-русски. (Существует даже анекдот о том, что если в Москве встречаются два представителя монголоидной расы и говорят между собой по-русски, то это непременно буряты.) Немаловажен и факт отсутствия механизмов реализации многих положений закона «О языках народов Республики Бурятия», отмечаемый В.И. Рассадиным, И.Д. Бураевым, Ш.Б. Чимитдоржиевым и др. [9]. Между тем, использование языка моло-

дым поколением является важным показателем его жизнеспособности [7. С. 66].

Итак, мы видим, что несмотря на принятые с 1986 г. меры бурятский язык не выходит из состояния кризиса, языковая ассимиляция бурят продолжается. И сегодня перед учеными стоит непростая задача остановить этот процесс, хотя голоса тех, кто считает это невозможным, звучат в настоящее время довольно громко. Ведь язык является «существенным слагаемым понятия нации, оставаясь непреходящей духовной ценностью любого народа» [10. С. 148]. К тому же возрожденные языки существуют. Ярким примером может служить корнийский язык на юго-западе Англии, долгое время считавшийся мертвым. Сейчас он активно возрождается: на нем уже говорят 150 человек и несколько тысяч его изучают [12. С. 288]. Для чего? Расул Гамзатов говорил: «Языки народов – как звезды на небе. Я не хотел бы, чтобы все народы слились в одну огромную, занимающую полнеба звезду. На то есть солнце. Но пусть сияют звезды. Пусть у каждого человека будет своя звезда» [9].

Как справедливо отмечают филологи, территория Бурятии – единственный на земном шаре регион, где, переходя из поколения в поколение, может сохраниться и развиваться бурятский язык [3. С. 234]. Однако для сохранения и развития бурятского языка недостаточно одних только юридических актов. Очень важно, чтобы такая необходимость «закреплялась нравственно, проходила через сознание не только самих бурят, но и представителей других народов, проживающих в республике» [3. С. 235].

Литература

1. Батуев Б.Б. Буряты в XVII-XVIII вв. – Улан-Удэ, 1996.
2. Бураев И.Д., Дондуков У-Ж.Ш., Рассадин В.И., Шагдаров Л.Д. Бурятский язык и его диалекты // Бурятия.-2004.-12 и 16 июня.
3. Буряты. Российская академия наук. Серия: Народы и культуры / отв. ред. Л.Л. Абаева и Н.Л. Жуковская. – М., 2004.
4. Дондуков У-Ж.Ш. К вопросу о развитии бурятского литературного языка // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 1998.
5. Доржиев Б.Ш. Бурятия в средневековую эпоху. – Улан-Удэ, 1998.
6. Доржиев Д.Д. О развитии бурятского языка и письменности // Народы Бурятии в составе России: от противостояния к согласию. Ч.1. – Улан-Удэ, 2001.

7. Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия. – Улан-Удэ, 2002. – С. 20-21.
8. Зориктуев Б.Р. Буряты. – Улан-Удэ, 2002.
9. Как вывести из кризиса родной язык? (Интервью с д-ром филол. наук В.И. Рассадным, д-ром филол. наук И.Д. Бураевым, д-ром ист. наук Ш.Б. Чимитдоржиевым) // Бурятия.-2001.-1 авг.
10. Как исчезла единая Бурят-Монголия (1937 и 1958 годы). – Улан-Удэ, 2004.
11. Чимитдоржиев Ш.Б. Была ли цивилизация у бурят? Раздумья монголоведа. – Улан-Удэ, 1996.
12. Этнология. – М., 2006.

М.Н. Тунч

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Типы грамматической связи слов простого предложения в разносистемных языках: сравнительный анализ (турецкий и английский языки)

В данной статье рассмотрены типы грамматической связи слов простого предложения на материале разносистемных языков (турецкий и английский языки). Выявлены специфические особенности каждого из них.

M.N. Tunch

Types of Grammatical Connection of Words in a Simple Sentence on the Material of the Languages With Different Systems: Comparative Analysis (Turkish and English)

The article considers types of grammatical connection of words in a simple on the material of the languages with different systems (Turkish and English) and reveals the specific peculiarities of each of them.

Предложение как каноническая форма элементарной коммуникативной единицы представляет собой обозначение события. Событие так или иначе сводится к изменению отношений и связей в денотируемом мире. Языковыми коррелятами денотируемых отношений и связей являются грамматические связи между компонентами предложения.

На примере предложения «Мой брат будет ждать тебя» – (англ.) *My brother will wait for you* видно, что ни одно из входящих в предложение слов не указывает своей формой, с каким словом оно связано в строе данного предложения. Связь слова *my* – «мой» со словом *brother* – «брат» выражена тем, что оно стоит на фиксированном месте – перед определяемым существительным; связь между словом *brother* – «брат» как подлежащим и *will wait for you* – «будет ждать тебя» как сказуемым выражается их взаимным расположением; подлежащее непосредственно предшествует сказуемому; зависимость слова *you* – «тебя» как дополнения от глагола *will wait* – «будет ждать» выражена, во-первых, его постановкой после данного глагола и, во-вторых, наличием перед ним служебного слова *for*. Такого рода грамматический строй,

при котором связи слов в предложении выражаются, главным образом, не формами слов, а при помощи порядка слов и служебных слов, называется аналитическим строем.

Сочинительная связь – это связь между однотипными по своим функциям словами. В турецком языке сочинительная связь оформляется интонацией и союзами. Сочинение, которое оформлено интонацией, служит главным образом для выражения отношений со значением: 1) последовательности: «Али встал, умылся и позавтракал» – (тур.) *Ali kalktı, yıkandı ve kahvaltı yaptı*; 2) одновременности: «Одной рукой он причесывал свои мокрые волосы, другой застегивал пуговицы белой сорочки» – (тур.) *Bir eliyle ıslak saçlarını tarıyor, ötekiyle açık yakalı beyaz gömleğinin düğmeleri ilikliyordu*. Сочинение, которое оформлено союзами, служит для выражения отношений: 1) соединительных. К соединительным союзам относят такие союзы, как: *ve* – «и, а также»; *da\ de\ ta\ te* – «и, а, же, тоже»; *ise* – «а, же»; *ile* – «с»; *hem* – «и, также, тоже»; *bir de* – «да, еще»; *yani* – «то есть»: «Моя жена и моя дочь» – (тур.) *Karım ve kızım*; 2) противительных. Сюда относят такие союзы, как: *ama* – «но, а, однако»; *fakat*